

И. С. ГАГАРИН

<Письмо 1-е Ю. Ф. Самарину>

Париж. Февраль 1842 года

Любезный друг, мне прислали сюда новое сочинение г-на Муравьева. Я чрезвычайно радовался его появлению, надеясь найти в нем решение на все мои сомнения и торжественное опровержение учения Римской Церкви. Но напротив, чем более я его читаю, чем более вникаю в его смысл, тем убедительнее мне кажутся доказательства, приводимые латинами в пользу своей Церкви.

Зная, сколь живое участие ты принимаешь во всех вопросах, касающихся до православия Русской Церкви, я почувствовал непобедимое желание сообщить тебе мысли, возбужденные во мне чтением *Правды*. Надеюсь, что с своей стороны, ты будешь мне присылать свои мысли о сем предмете.

Хотя я не имею никакой привычки писать по-русски, я не хотел употреблять другого языка в сем случае, и если я не буду хорошо выражать мысль мою, то я надеюсь на твою снисходительность.

Начинаю с предисловия.

Я сперва обрадовался выражаемому автором чувству глубокого прискорбия о нарушении единства и желанию соединения, но с самых первых строк меня больно поразило слово *честолюбие*. Я не люблю обвинений такого рода; они ничего не доказывают, и их очень легко обратить на обвинителей. В самом деле, непокорность законной власти и самовольное ее отвержение не показывает ли такое же честолюбие, как и присвоение власти незаконной? Даже справедливее Церковь Римская может укорять Восточных епископов в честолюбии и в непокорности, нежели Восточная Церковь Западную в самовластии, потому что сею властью воспользовался один епископ Римский, а столь

великое множество епископов осталось ему смиренно-покорными. Итак, если и удастся нам изъяснить честолюбием веру одного епископа Римского, как же изъяснить веру всех прочих епископов Запада?

Нет, по несчастию, правда, что страсти человеческие иногда обуревают душу людей, которые бы должны были посвятить всю жизнь свою служению Господу, но честолюбие, переходящее как наследство столь длинному ряду епископов, не может быть принято за основание здания, которое, как бы то ни было, стоит столько столетий. История нам дает горестное доказательство, что закоснелое заблуждение может пережить несколько веков, и этого достаточно, чтобы изъяснить продолжительный раздор Церкви. Итак, не прибегая к ругательным обвинениям в страстях низких, постараемся разогнать мрак заблуждения светом истины.

Несколько строк далее г-н М. укоряет Римскую Церковь в другом пороке, едва ли не гнуснейшем, в преступном равнодушии к догматам, ею самую проповедуемым. Легко доказать, сколь упрек этот несправедлив, но надобно войти в некоторые подробности и прежде приведем самые слова автора.

«Поелику же Римская Церковь оставляет без особенного внимания, у присоединяемых ею, разность исповедания о исхождении Духа Святого и другие важные различия в совершении таинств, прежде и свыше всего домогаясь установить власть своих Первосвященников, то и с нашей стороны предмет сей как основной для нее должен обратить на себя ближайшее внимание» (Правда, предисловие, стр., II).

Нет, Римская Церковь не оставляет без внимания у присоединяемых ею разность исповедания о исхождении Св. Духа.

Вероятно, автор понимает здесь под словом *присоединяемых* униатов или членов Восточной Церкви, присоединенных к Римской. Рассмотрим же, в чем состоит разность исповедания между обеими Церквями касательно исхождения Св. Духа.

Они обе веруют и исповедуют, что Дух Святой исходит от Отца, Римская же Церковь верует, что он исходит *И ОТ СЫНА*. Восточная Церковь не воспрещает никому верить то же. Нет ни одного канона, ни одного определения Восточной Церкви, говорящего, что Дух Святой не исходит от Сына, но она из сего не составляет догмата и не обязывает сие верить. Дух Святой исходит ли или не исходит от Сына, это свободное мнение, которое каждый в Восточной Церкви волен принимать или отвергать. Сверх того, Римская Церковь прибавила слова *Filioque* к Символу веры Никейскому против испанских еретиков, но всем известно, что все догматы не заключаются в Символе и слова *Filioque* могут стоять в оном или быть упущены без того, чтобы из их отсутствия следовало, что догмат о исхождении

Св. Духа от Сына не признается произносящими Символ. Восточная Церковь оспаривает у Римской право прибавлять сии слова, но это касается единственно спора о власти, о котором мы будем говорить далее. Если же Римская Церковь имела право прибавлять сии слова, то очевидно, что она имеет также право позволять, когда почитает сие нужным, не произносить оные. Но из сего никак не следует, чтобы она позволяла не принимать догмат, и присоединяемые к ней сыны Восточной Церкви также обязаны веровать в исхождение Св. Духа от Сына, как и прочие члены Католической Церкви.

Далее автор говорит: «и другие важные различия в совершении таинств». Заметим сперва, что слово «другие» несправедливо. Разность в исповедании о исхождении Св. Духа не есть различие в совершении таинств. Но оставим этот спор о словах. Вероятно, здесь автор разумеет причащение под двумя видами и крещение погружением. Но он знает так же, как и мы, что это обряды, а не догматы. Сии обряды существовали в Восточной Церкви до разделения, и тогда Римская Церковь признавала их действительными и законными, и доньше она не делает никакого затруднения признавать их и оставлять в полной силе у присоединяемых. Непонятно, какой укор может автор вывести из сего против Римской Церкви. Не только до разделения и у присоединяемых Римская Церковь признает сии обряды, но даже после разделения и у отделенной Восточной Церкви Римская признает таинства действительными, поелику на священников Восточной Церкви нисходило непрерывною последовательностью рукоположение апостольское: она им отказывает единственно в законности паствы (*jurisdiction*). Легко доказать недавним примером, что Восточная Церковь также признает действительными таинства, совершаемые в Католической Церкви. Когда униатские епископы, над которыми таинство священства совершалось несомненно вне Восточной Церкви, отреклись от владычества Папы и признали владычество Синода, не повторяли над ними таинства священства и они сей час были признаны епископами Российской Церкви, которая составляет часть Восточной.

Сие показывает, что каждая из двух Церквей признает действительность таинств, совершаемых другою, что гораздо важнее обрядов.

Но оставим это и обратимся к власти Римских Епископов. Сей вопрос, конечно, важнее всех других, и очень рассудительно наш автор его исследованием ограничил книгу свою.

Однако я сожалею, что он здесь сделал довольно важное упущение. Мне кажется, что прежде нежели приступить к разбору видимых доказательств, надобно было изложить, в чем разнится учение обеих Церквей о сем предмете. Постараемся заменить краткими словами упущению автора.

Обе Церкви равно веруют и исповедуют Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, обе равно веруют, что сия Церковь пребудет в продолжении времен до скончания веков и что *врата адова не одолеют ей* (Мф. 16: 18). Тем самым они признают, что Церковь не может ни ошибаться, ни блуждать, что не может быть противуречий в ее определениях и что те догматы веры, которые она когда-либо признала истинными — истинны в самом деле, что они всегда останутся истинными и что Церковь всегда их будет признавать истинными.

До сих пор обе Церкви совершенно согласны, но несогласие является в ответе на вопрос: какой способ употребляет Церковь, чтобы изрекать непреложные свои решения в предметах веры.

Ни та, ни другая не признают права изрекать решения или определения от имени Церкви никакому частному лицу, никакому поместному Собору. Таковые решения могут иметь более или менее веса, быть более или менее уважаемы, но ни Восточная, ни Западная Церковь не признают, чтобы они могли связывать целую Церковь.

Остаются Вселенские соборы. Они признаны обеими Церквами, но тут представляется два затруднения.

1) Какими ясными и неоспоримыми признаками отличается Вселенский собор от поместного? законный от незаконного?

2) Как Церковь будет решать встречающиеся затруднения в отсутствии Собора?

Западная Церковь решает сии вопросы одним средством. Признавая в Епископе Римском преемника Св. Петра и наместника И. Х. на земле, она говорит: тот собор есть истинно Вселенский и имеет право изрекать решения именем целой Церкви, к которому присоединяется и которого признает Римский Епископ, видимый Глава Церкви и хранитель единства. В отсутствии же Вселенского собора, он же, Римский Епископ, имеет право или созывать оный, или изрекать решения именем Церкви.

Очевидно, что сим средством Западная Церковь решает все затруднения. Но сие самое средство, как бы удобно оно ни было, остается просто человеческим, пока не доказано, что сия власть дана Римскому Епископу не от человека, а от Бога и, сверх того, что Римский Епископ имеет как бы необходимым увенчанием своей власти обещание от Бога не блуждать в догматах веры и не увлекать Церкви вне путей истины.

Следовательно, вот в чем состоит вопрос. Западная Церковь должна доказать, что Римскому Епископу, истинному преемнику Св. Петра, дана от Бога власть определять: что согласно с учением Церкви и что противно оному, и, сверх того, что ему дано от Бога обещание не блуждать в таковых изречениях. Только тогда,

когда сие будет доказано, то, что можно было одобрять или хулить как мнение человеческое, становится непреложным догматом Церковным.

С другой стороны, Восточная Церковь, напротив, должна доказать: или что не было сделано Иисусом Христом особенных обещаний апостолу Петру и что он не был признан верховным апостолом; или что сии Божественные обещания и сие верховное достоинство были ему лично даны и что они не простираются на его преемников; или что Епископ Римский не истинный преемник Св. Петра; или что власть Епископа Римского была оспорима каким-нибудь определением Церкви; или, наконец, что он не осеняем особоною благодатью Божиею, недозволяющей ему блуждать в догматах веры.

В каком бы звене Восточная Церковь не разорвала бы сей цепи, она достаточно доказала бы, что власть Епископа Римского от человека, а не от Бога.

Но здесь должно присовокупить одно примечание. Умолкать не есть отрицать, и где Церковь молчит, нельзя приводить сие молчание в свидетельство, что она отрицает.

Итак вот настоящее взаимное положение двух Церквей! Католическая говорит, что власть Папы от Бога, Восточная — утверждает, что она от человека. Согласно с различными их точками зрения Западная Церковь взирает на Восточную как на мятежницу, отделившуюся от нее по непокорности к власти законной, а Восточная смотрит на Римского Епископа или, скорее, на Западного Патриарха как на похитителя власти, ему не принадлежащей.

Весь вопрос в сей власти. Если она от человека, то действительно, Римский Епископ — похититель власти и нововводитель. Если же она от Бога, то Восточная Церковь отделена от истинно-вселенской и составляет относительно к ней нечто вроде староверческого раскола, подобно тому, который составляют в России старообрядцы относительно к Российской Церкви.

Не нужно приводить много доказательств, чтобы показать всю важность сего вопроса. Если сия власть от человека, как утверждает Восточная Церковь, то сие должно поставить выше всякого сомнения, потому что в споре между двумя Церквами сия власть, от кого бы она ни была, от Бога или человека, законная или незаконная, находится на стороне Католической Церкви и дает ей весьма выгодное положение. В самом деле, опираясь на сию власть, Католическая Церковь не находит никакого затруднения осуждать Восточную; Восточная же, не признавая кроме Вселенского собора никакого способа, чтобы узнать определительно решения Церкви, как может в отсутствии Собора осудить Западную? Со времени разделения не было Вселенских

соборов, признанных Восточною Церковью, следовательно, в ее собственных глазах *Западная Церковь не была законно осуждена.*

Пусть она говорит, что Западная Церковь не согласна с канонами Вселенских соборов, бывших до разделения Церквей! Но Западная Церковь признает сии Соборы и утверждает, что она с ними согласна. В сем споре всякое решение будет частным и, следовательно, ничтожным до нового Вселенского собора! Но если бы и был созван теперь Вселенский собор, по каким несомненным признакам узнает Восточная Церковь в нем истинный и законный Вселенский собор? Почему Собор Лионский и Собор Флорентийский не Вселенские соборы? Какой канон, какой закон запрещает сыну Восточной Церкви признавать их Вселенскими соборами?

Еще одно слово. Со времени последнего Вселенского собора, признаваемого ею, Восточная Церковь не вмещает в себе живой власти. Знаю, что она почитает сие ненужным, но не менее того, должно из сего вывести, что она утверждается единственно на Св. Писании, как протестанты, и на канонах прежде бывших Соборов, которые составляют *предание писанное.* Кто может толковать оное с достаточной властью? Отвергая непреложность Римской кафедры, тем самым Восточная Церковь отвергает и непреложность всякой другой кафедры, в особенности как, например, Антиохийской или Константинопольской. Следовательно, в отсутствии Вселенского собора решительное и окончательное толкование Св. Писания и писанного Предания возлежит на частном рассудке, что есть зло, подобное состоянию протестантизма, с тем только различием, что у протестантов частный рассудок опирается на одну книгу, а в Восточной Церкви на две книги.

Увидим в другой раз, как наш автор доказывает, что власть Папы от человека, а не от Бога.

<Письмо 2-е Ю. Ф. Самарину>

Париж, 26 февраля 1842 года

В первом письме я сообщил тебе мои примечания на предисловие *Правды* и изложил некоторые мысли о взаимном положении двух Церквей.

Ты помнишь цепь, которой я уподобил ряд доказательств, приводимых Католическою Церковью. Сегодня мне предлежит обязан-